

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КОЛУНОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 26436/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

9 октября 2012 года

Настоящее постановление вступит в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Колунов против России»,
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Нина Вайич, *Председатель,*
Анатолий Ковлер,
Пер Лоренсен,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Гаджиев,
Линос-Александр Сицильянос,
Эрик Мос, *судьи,*

а также Сорен Нильсен, *Секретарь Секции,*

проведя 18 сентября 2012 года совещание по делу за закрытыми дверями,

выносит следующее постановление, утвержденное в вышеназванный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 26436/05) против Российской Федерации, поступившей в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от гражданина Российской Федерации Колунова Алексея Владимировича (далее — «заявитель») 1 июня 2005 года.

2. Интересы заявителя представлял Д. Аграновский, адвокат, практикующий в г. Электросталь Московской области. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что он содержался под стражей в ненадлежащих условиях в ожидании судебного разбирательства по его делу и что его досудебное содержание под стражей было чрезмерно длительным.

4. 9 марта 2009 года жалоба была коммуницирована Властям. Также Суд решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (пункт 1 статьи 29).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1983 года рождения, проживает в г. Москве.

A. Общие сведения

6. Заявитель является членом «Национал-большевистской партии» («НБП»).

7. 14 декабря 2004 года группа, состоящая из примерно сорока членов партии национал-большевиков, заняла Общественную приёмную в здании Администрации Президента РФ в Москве и заперлась в кабинете на первом этаже.

8. Члены группы требовали встречи с президентом, заместителем главы администрации президента и советником президента по экономическим вопросам. Через окно они раздавали листовки, представляющие собой отпечатанные письма президенту, в которых перечислялись десять нарушений Конституции, которые были допущены президентом, и содержали требование о его отставке.

9. Нарушители находились в кабинете примерно полтора часа, пока сотрудники милиции не выломали запертую дверь и не задержали их. Никакого сопротивления Властям они не оказывали.

Б. Уголовное судопроизводство в отношении заявителя

10. 16 декабря 2004 года Хамовнический районный суд г. Москвы принял в отношении заявителя постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу на следующих основаниях:

«[Заявитель] подозревается в совершении нескольких преступлений, одно из которых является особо тяжким. Находясь на свободе, он может продолжить свою преступную деятельность, вмешаться в ход расследования или оказывать давление на свидетелей. Также он может попытаться скрыться или помешать установлению истины».

11. 21 декабря 2004 года заявителю было предъявлено обвинение в попытке насильственного захвата государственной власти (статья 278 УК РФ), умышленном уничтожении и повреждении чужого имущества (часть 2 статьи 167 УК РФ) и вандализме (статья 214 УК РФ).

12. 7 февраля 2005 года, ссылаясь на тяжесть обвинений, выдвинутых против заявителя, Замоскворецкий районный суд Москвы продлил срок содержания заявителя под стражей до 14 апреля 2005 года.

13. 16 февраля 2005 года обвинения, выдвинутые против заявителя, были переклассифицированы на участие в массовых беспорядках, т.е. деяние, предусмотренное частью 2 статьи 212 Уголовного кодекса.

14. 14 апреля 2005 года районный суд удовлетворил ходатайство прокуратуры о продлении срока содержания заявителя под стражей до 14 июля 2005 года, по следующим основаниям:

«...обвиняемые и их адвокаты начали изучать материалы дела. Принимая во внимание большой объем материалов дела (12 томов) и количество лиц, их изучающих (39 обвиняемых и их адвокаты), суд считает, что имеются достаточные основания для продления срока содержания [заявителя] под стражей на три месяца, поскольку последний еще не закончил изучение материалов дела, а его адвокат еще даже не начал их изучать.

Несмотря на то, что [заявитель] имеет регистрацию по месту жительства в Москве, суд, принимая во внимание тяжесть предъявленных обвинений и тот факт, что основания, оправдывающие его заключения под стражу, все еще продолжают оставаться в силе, не видит оснований для применения более мягких мер пресечения».

15. 19 мая 2005 года Московский городской суд оставил без изменения постановление от 14 апреля 2005 года, посчитав, что оно было законным, обоснованным и справедливым.

16. 7 июня 2005 года расследование было завершено, и тридцать девять человек, включая заявителя, предстали перед судом. 20 июня 2005 года Тверской районный суд г. Москвы назначил предварительное слушание на 30 июня 2005 года и принял решение о том, что все подсудимые должны оставаться под стражей.

17. 30 июня 2005 года районный суд провел предварительное слушание. Он отклонил ходатайства подсудимых об освобождении, приняв во внимание личные качества подсудимых, их возраст, состояние здоровья, семейное положение и стабильность образа жизни. В то же время, суд пришел к выводу, сославшись на тяжесть предъявленных обвинений, что «основания, согласно которым ранее была избрана мера пресечения, по-прежнему существуют», и что «материалы дела дают достаточные основания полагать, что после освобождения подсудимые попытаются сбежать или вмешаться в ход судебного разбирательства». Поэтому суд постановил, чтобы все подсудимые продолжали оставаться под стражей в ожидании судебного разбирательства.

18. В неустановленный день в июле 2005 года заявитель и другие подсудимые совместно подали ходатайства об освобождении. 27 июля 2005 года районный суд отклонил эти ходатайства, посчитав, что содержание подсудимых под стражей является законным и обоснованным. 5 октября 2005 года городской суд оставил в силе постановление от 27 июля 2005 года.

19. 10 августа 2005 года заявитель и другие подсудимые подали новые ходатайства об освобождении. В тот же самый день районный суд их отклонил. Он постановил:

«Суд принимает во внимание довод защиты о том, что индивидуальный подход к ситуации каждого подсудимого имеет важное значение при вынесении решения об избрании меры пресечения.

Рассматривая причины, на основании которых... суд распорядился избрать в качестве меры пресечения содержание под стражей и продлить срок содержания под стражей в отношении всех подсудимых без исключения... суд отмечает, что данные основания по-прежнему существуют и на сегодняшний день. В силу вышесказанного, принимая во внимание состояние здоровья, семейное положение, возраст, род занятий и личные качества всех подсудимых, а также личные гарантии, предлагаемые определенными частными лицами в защиту интересов подсудимых и включенные в материалы дела, суд приходит к выводу, что в случае освобождения каждый из заявителей может попытаться скрыться или воспрепятствовать отправлению правосудия каким-либо образом...

По мнению суда, в подобных обстоятельствах, принимая во внимание тяжесть обвинений, не имеется никаких оснований для изменения или отмены меры пресечения в отношении любого из подсудимых...».

20. 2 ноября 2005 года городской суд, рассмотрев кассационную жалобу на постановление от 10 августа 2005 года, оставил его без изменения.

21. 16 ноября 2005 года районный суд продлил срок содержания под стражей в отношении всех подсудимых, включая заявителя, до 7 марта 2006 года. Суд указал следующее:

«В соответствии с материалами уголовного дела, обстоятельства, принятые во внимание судом при вынесении им постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении данной меры пресечения в отношении всех подсудимых, по-прежнему существуют.

Принимая во внимание вышеизложенное, а также состояние здоровья, семейное положение, возраст, род занятий и личные качества всех подсудимых, суд приходит к выводу, что находясь на свободе, каждый из них может попытаться скрыться или иным образом вмешаться в процесс уголовного судопроизводства».

22. 8 декабря 2005 года районный суд признал заявителя и других подсудимых виновными в участии в массовых беспорядках. Он приговорил заявителя к трём годам лишения свободы условно с испытательным сроком три года.

В. Условия содержания под стражей

23. Заявитель содержался в следственном изоляторе № ИЗ-77/3 г. Москвы с 24 декабря 2004 года по 8 декабря 2005 года. По его словам, он находился в камере вместе с одиннадцатью другими заключенными. Камера была переполнена. Свет никогда не

выключался, что мешало заявителю спать. Камера не проветривалась. Санузел был отделен от жилой площади импровизированной стенкой — высотой один метр. Заключенный во время использования туалета находился на виду у других сокамерников. Заявителю было разрешено принимать душ в течение десяти минут один раз в неделю и совершать ежедневные прогулки в течение примерно одного часа в день. Заключенным не давали в достаточном количестве пищи и лекарств, за исключением аспирина и других анальгетиков. Заявитель утверждал, что он страдает эпилепсией, однако, ему не было предоставлено какого-либо лечения.

24. По данным Властей, заявитель содержался под стражей в камерах №№ 218, 219, 413, 508, 526 и 611. Все это время ему предоставлялась отдельное спальное место, постельные принадлежности и столовые приборы. Камеры, в которых он содержался, не только обеспечивали доступ к дневному свету, они также имели искусственное освещение. Система вентиляции была в нормальном рабочем состоянии. Кроме того, вентиляционные отверстия в окнах давали доступ к свежему воздуху. Во всех камерах были установлены раковины, водопроводные краны и туалет, который был отделен от жилой зоны перегородкой высотой в один метр. У заявителя была возможность принимать душ по меньшей мере раз в неделю в течение пятнадцати минут. В течение дня освещение было включено с 6:00 до 22:00, а ночью для освещения санузла постоянно работали низковольтные лампы. Заявителю представлялось трехразовое питание и неограниченный доступ к медицинской помощи.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

25. Для ознакомления с соответствующими положениями национального законодательства, регулирующего условия и продолжительность досудебного содержания под стражей, см. постановление Европейского Суда от 2 марта 2006 года по делу «Долгова против России» (*Dolgova v. Russia*), жалоба № 11886/05, пункты 26-31, и постановление Европейского Суда от 6 декабря 2007 года по делу «Линд против России» (*Lind v. Russia*), жалоба № 25664/05, пункты 47-52.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

26. Заявитель жаловался, что в следственном изоляторе № ИЗ-77/3 в Москве он содержался в ненадлежащих условиях в нарушение статьи 3 Конвенции, которая гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Приемлемость жалобы

27. Власти оспорили этот довод. Ссылаясь на справки, подготовленные администрацией СИЗО и заявления, сделанные сотрудниками следственного изолятора в 2009 году, они утверждали, что условия содержания заявителя под стражей соответствовали стандартам, требуемым статьей 3 Конвенции. Власти не смогли предоставить оригиналы документов, касающихся содержания заявителя под стражей, пояснив, что данные документы были уничтожены в связи с истечением установленного законом срока времени для их хранения.

28. Заявитель настаивал на своей жалобе.

29. Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

30. Общие принципы, касающиеся условий содержания под стражей в уголовном судопроизводстве, прочно закреплены в прецедентной практике Суда, и в общем виде звучат следующим образом (см. постановление Европейского Суда от 10 января 2012 года по делу «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and Others v. Russia*), жалобы № 42525/07 и 60800/08):

“139. Суд повторяет, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она категорически запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения потерпевшего (см., например, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, пункт 119, ECHR 2000–IV). Чтобы ненадлежащее обращение подпадало под действие статьи 3 Конвенции, оно должно достигнуть минимального уровня жестокости. Оценка указанного

минимального уровня относительна; она зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность такого обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (см., среди других прецедентов, постановление Европейского Суда от 18 января 1978 года по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*), пункт 162, Series A № 25).

140. Ненадлежащее обращение, которое достигает такого минимального уровня жестокости, обычно предполагает фактическое нанесение телесных повреждений или причинение значительных физических или душевных страданий. Однако даже при отсутствии вышеперечисленного, в тех случаях, когда то или иное обращение унижает или оскорбляет человека, обнаруживая неуважение к его человеческому достоинству или его принижение, или вызывает у человека чувство страха, тоски или собственной неполноценности, способное сломить моральное и физическое сопротивление личности, оно может быть охарактеризовано как «унижающее достоинство» и также подпадать под действие запрета, содержащегося в статье 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Претти против Соединенного Королевства» (*Pretty v. the United Kingdom*), жалоба № 2346/02, пункт 52, ECHR 2002–III, с дальнейшими ссылками).

141. В контексте лишения свободы, Европейский Суд неизменно подчеркивал, что для того, чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, перенесенное страдание или унижение в любом случае должно выходить за пределы неизбежного элемента страданий и унижений, связанных с содержанием под стражей. Государство должно принимать меры к тому, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, которые совместимы с уважением к человеческому достоинству, чтобы формы и методы реализации этой меры не причиняли ему лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, и чтобы его здоровье и благополучие – с учетом практических требований режима лишения свободы – обеспечивались надлежащим образом (см. вышеуказанное постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши», пункты 92-94, и постановление Европейского Суда от 13 июля 2006 года по делу «Попов против России» (*Popov v. Russia*), жалоба № 26853/04, пункт 208).

142. При оценке условий содержания под стражей необходимо учитывать их совокупное воздействие, а также конкретные утверждения заявителя (см. постановление Европейского Суда по делу «Дугоз против Греции» (*Dougoz v. Greece*), жалоба № 40907/98, пункт 46, ECHR 2001–II). Также необходимо принимать в расчет длительность срока, в течение которого лицо находилось в таких условиях (см., среди прочих прецедентов, постановление Европейского Суда от 8 ноября 2005 года по делу «Алвер против Эстонии» (*Alver v. Estonia*), жалоба № 64812/01).

31. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что стороны выразили несогласие относительно большинства пунктов, касающихся условий содержания заявителя под стражей. Тем не менее, нет никакой необходимости для Суда устанавливать правдивость каждого утверждения, поскольку он может установить нарушение статьи 3 Конвенции на основании фактов, представленных ему заявителем, которые государство-ответчик не смогло опровергнуть (см. постановление Европейского Суда от 9 апреля

2009 года по делу «Григорьевских против России» (*Grigoryevskikh v. Russia*), жалоба № 22/03, пункт 55).

32. В частности, Суд отмечает, что заявитель, пусть и не указывая размеров камер, в которых содержался, настаивал на своем утверждении, что камеры были постоянно переполнены. Власти не оспаривали данный довод заявителя. Не предоставляя какой-либо подробной информации о размере камер или о количестве содержащихся в них заключенных, они лишь утверждали, что условия содержания заявителя под стражей соответствовали стандартам, требуемым статьей 3 Конвенции.

33. Суд принимает также во внимание тот факт, что по нескольким предыдущим делам он уже рассматривал вопрос об условиях содержания под стражей в следственном изоляторе № ИЗ-77/3 в Москве и установил, что заключенные содержались там в сильно переполненных камерах в нарушение требований, установленных статьей 3 Конвенции (см., например, постановления Европейского Суда по делам «Белевицкий против России» (*Belevitskiy v. Russia*), от 1 марта 2007 года, жалоба № 72967/01 на условия содержания под стражей в 2001-2002 гг., пункты 73-79; «Белашев против России» (*Belashev v. Russia*), от 4 декабря 2008 года, жалоба № 28617/03 на условия содержания под стражей в 2002-2003 гг., пункты 50-60; и «Владимир Козлов против России» (*Vladimir Kozlov v. Russia*), от 20 мая 2010 года, жалоба № 21503/04 на условия содержания под стражей в 2001-2003 гг., пункты 36-46). Одно из последних дел касалось того же периода времени, что и рассматриваемый в рамках настоящего дела (а именно постановление по делу «Владимир Соколов против России» (*Vladimir Sokolov v. Russia*), жалоба № 31242/05 на условия содержания под стражей с 13 января по 5 декабря 2005 года, пункты 58-64, от 29 марта 2011 года).

34. Суд повторяет, что разбирательство в рамках Конвенции, такое как возникающее из настоящей жалобы, не во всех случаях поддается строгому применению принципа «бремя доказывания лежит на обвиняющей стороне», поскольку в некоторых случаях лишь государство-ответчик имеет доступ к информации, которая может подтвердить или опровергнуть данные утверждения. Непредоставление Властями такой информации без удовлетворительного объяснения может привести к выводу об обоснованности утверждений заявителя (см. постановление Европейского Суда по делу «Тимурташ против Турции» (*Timurtaş v. Turkey*), жалоба № 23531/94, пункт 66, *in fine*, ECHR 2000-VI).

35. В настоящем деле Власти не представили какие-либо оригиналы документов, опровергающие утверждения заявителя, обосновав это тем, что данные документы были уничтожены по истечении установленного законом срока их хранения. Их доводы основывались

на показаниях сотрудников следственного изолятора, полученных приблизительно четыре года спустя после рассматриваемых событий. Суд не может, однако, рассматривать такие документы как достаточно надежные (см., среди других постановлений, постановление Европейского Суда от 10 февраля 2009 года по делу «Новинский против России» (*Novinskiy v. Russia*), жалоба № 11982/02, пункт 105).

36. Соответственно, Суд принимает довод заявителя о том, что камеры, в которых он содержался почти год, были переполненными, и о том, что предоставленное ему личное пространство являлось недостаточным. Суд также отмечает, что заявитель должен был проводить в таких условиях двадцать три часа в сутки.

37. Суд неоднократно устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции в связи с отсутствием личного пространства, которое должно быть предоставлено заключенным (см., среди других прецедентов, постановления Европейского Суда по делам «Калашников против России» (*Kalashnikov v. Russia*), жалоба № 47095/99, пункты 97 и далее, ECHR 2002-VI; «Худоёров против России» (*Khudoyorov v. Russia*), жалоба № 6847/02, пункт 104 и далее, ECHR 2005-X; «Лабзов против России» (*Labzov v. Russia*), жалоба № 62208/00, от 16 июня 2005 года, пункт 44 и далее; «Майзит против России» (*Mayzit v. Russia*), жалоба № 63378/00, от 20 января 2005 года, пункт 39 и далее, и «Новоселов против России» (*Novoselov v. Russia*), жалоба № 66460/01, постановление от 2 июня 2005 года, пункт 41 и далее; и, из недавних, вышеупомянутое постановление по делу «Ананьев и другие против России», пункты 120-166.).

38. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении материалы, Суд отмечает, что Власти не привели никаких фактов или доводов, способных убедить Суд прийти к иному заключению по настоящему делу. Соответственно, Суд приходит к выводу о том, что заявитель подвергался бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции ввиду ненадлежащих условий его содержания под стражей в следственном изоляторе № ИЗ-77/3 в Москве в период с 24 декабря 2004 года по 8 декабря 2005 года.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

39. Заявитель жаловался на нарушение подпункта (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции ввиду того, что не имелось никаких оснований для содержания его под стражей в ожидании судебного разбирательства. В соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции, он жаловался на нарушение его права на судебное разбирательство в течение разумного срока и утверждал, что достаточных оснований для его содержания под стражей не имелось.

В части, имеющей отношение к настоящему делу, статья 5 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(в) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с положениями подпункта (с) пункта 1 настоящей статьи... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

40. Власти оспорили данный аргумент. Они утверждали, что досудебное содержание заявителя под стражей происходило в соответствии с требованиями, изложенными в статье 5 Конвенции.

А. Приемлемость

41. Что касается жалобы заявителя на то, что его содержание под стражей было незаконным, Суд отмечает, что 16 декабря 2004 года Московский районный суд¹ распорядился заключить заявителя под стражу в связи с тяжестью обвинений, выдвинутых против него. Срок содержания заявителя под стражей продлевался национальными судами несколько раз.

42. Национальные суды при принятии таких решений действовали в пределах своих полномочий, и ничто не позволяет предположить, что данные решения являлись недействительными или незаконными согласно национальному законодательству. Вопрос о том, являлись ли причины таких решений достаточными и обоснованными, анализируется ниже в связи с вопросом о соответствии пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Худоёров против России», пункты 152 и 153).

43. Суд считает, что содержание заявителя под стражей было совместимо с требованиями пункта 1 статьи 5 Конвенции. Следовательно, данная жалоба должна быть отклонена как явно необоснованная согласно пунктам 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

¹ Прим. пер.: так в официальном тексте постановления. Очевидно имеется в виду Хамовнический районный суд (см. п. 10 настоящего постановления).

44. Что касается жалобы заявителя о нарушении его права на судебное разбирательство в разумный срок или на освобождение до суда, Суд считает, что она не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Общие положения

45. Суд напоминает, что неизменность обоснованного подозрения в том, что задержанное лицо совершило преступление, является *обязательным условием* законности длительного содержания лица под стражей. Тем не менее, по истечении определенного срока данное условие больше не является достаточным. В таких случаях Суд должен установить, имелись ли у судебной власти иные причины, которые обосновывали бы лишение свободы. Если такие причины являлись «обоснованными» и «достаточными», Суд должен также установить, проявили ли компетентные национальные власти «особую тщательность» при проведении судебного разбирательства (см. постановление Большой Палаты по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, пункты 152-153, ECHR 2000-IV).

46. Существующая презумпция является презумпцией освобождения лица из-под стражи. Соответственно, Суд неоднократно указывал, что вторая часть пункта 3 статьи 5 Конвенции не предоставляет судебной власти выбора между осуществлением правосудия в отношении обвиняемого в разумный срок или его условным освобождением до судебного разбирательства. До своего осуждения, обвиняемый должен считаться невиновным, и целью рассматриваемого положения, по существу, является обеспечение его освобождения, как только продолжение его содержания под стражей перестает быть разумным. Лицо, обвиняемое в совершении преступления, всегда должно быть освобождено до суда, если Власти не могут продемонстрировать, что имеются «обоснованные и достаточные» причины для продления содержания его под стражей (см., среди других прецедентов, постановления Европейского Суда по делам «Кастравец против Молдовы» (*Castravet v. Moldova*), жалоба № 23393/05, пункты 30-32, от 13 марта 2007 года; «Маккей против Соединенного Королевства» (*McKay v. the United Kingdom*) [GC], жалоба № 543/03, пункт 41, ECHR 2006-X; «Яблонский против Польши» (*Jabłoński v. Poland*), жалоба № 33492/96, пункт 83, от 21 декабря 2000 года; а также «Ноймайстер против Австрии» (*Neumeister v. Austria*), от 27 июня 1968 года, пункт 4, Series A № 8).

47. Именно на национальные Власти возложена обязанность установить существование конкретных фактов, служащих основаниями для дальнейшего содержания лица под стражей. Возложение в таких вопросах бремени доказывания на лицо, содержащееся под стражей, равносильно отмене правила статьи 5 Конвенции, положения, которое делает заключение под стражу исключительным отступлением от права на свободу, допускаемым лишь в исключительных и строго определенных случаях (см. постановление Европейского Суда от 7 апреля 2005 года по делу «Рохлина против России» (*Rokhlina v. Russia*), жалоба № 54071/00, пункт 67; и постановление Европейского Суда от 26 июля 2001 года «Илийков против Болгарии» (*Ilijkov v. Bulgaria*), жалоба № 33977/96, пункты 84-85). Национальные судебные органы должны рассмотреть все факты, свидетельствующие за и против с учетом обеспечения общественного интереса, оправдывающего, с должным учетом принципа презумпции невиновности, отступление от принципа уважения свободы личности, и изложить их в своих решениях об отклонении ходатайств об освобождении лица из-под стражи. Установление таких фактов и замещение собой национальных властей, которые распорядились о содержании заявителя под стражей, не является задачей Суда. По существу, именно на основании причин, указанных в решениях национальных судов и реальных фактов, упомянутых заявителем в его жалобах, Суд призван вынести решение о том, имело или нет место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 8 июня 2006 года по делу «Корчуганова против России» (*Korchuganova v. Russia*), жалоба № 75039/01, пункт 72; а также вышеуказанные постановления по делам «Илийков против Болгарии», пункт 86, и «Лабита против Италии», пункт 152).

2. Применимость к настоящему делу

48. Заявитель был помещен под стражу 14 декабря 2004 года. 8 декабря 2005 года суд первой инстанции признал его виновным в совершении уголовного преступления, и сразу же освободил в связи с условным назначением наказания. Срок содержания под стражей, который следует принять во внимание, длился, соответственно, почти двенадцать месяцев.

49. Суд отмечает, что заявитель был задержан в помещении, где якобы были совершены вменяемые ему преступления. Соответственно, Суд соглашается, что его задержание могло быть изначально оправдано обоснованным подозрением в его причастности к этим преступлениям. Остается установить, действительно ли судебные власти привели «обоснованные» и «достаточные» основания для

продолжения содержания заявителя под стражей, и проявили ли они «особое усердие» при проведении судебного разбирательства.

50. Во время расследования национальные суды последовательно ссылались на тяжесть предъявленных обвинений как на основной фактор для оценки потенциально возможной попытки заявителя скрыться от правосудия, совершить новое преступление или воспрепятствовать отправлению правосудия. Тем не менее, они не продемонстрировали существование конкретных фактов в поддержку своих выводов.

51. Суд неоднократно указывал, что, хотя строгость возможного приговора является важной составляющей при оценке риска побега или совершения новых правонарушений со стороны обвиняемого, необходимость в продлении срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу не может оцениваться лишь с абстрактной точки зрения, принимая во внимание только тяжесть предъявляемых обвинений. Также продолжение содержания под стражей не должно предвосхищать наказание в виде лишения свободы (см. постановление Европейского Суда от 26 июня 1991 года по делам «Летелье против Франции» (*Letellier v. France*), пункт 51, Series A № 207; см. также постановления Европейского Суда по делам «Панченко против России» (*Panchenko v. Russia*), жалоба № 45100/98, пункт 102, от 8 февраля 2005 года; «Горал против Польши» (*Goral v. Poland*), жалоба № 38654/97, пункт 68, от 30 октября 2003 года; и вышеуказанное постановление по делу «Илийков против Болгарии», пункт 81).

52. Это особенно верно по таким делам, каким является настоящее дело, где правовая квалификация фактов — и, следовательно, приговор, который мог быть вынесен заявителю — были определены обвинением без судебного разбирательства в отношении того, подтверждают ли собранные доказательства обоснованные подозрения в том, что заявитель совершил вменяемое ему преступление. Действительно, первоначальное обвинение в попытке насильственного свержения государственной власти, которое является особо тяжким уголовным преступлением в соответствии с национальной классификацией, было предъявлено районным судом 7 февраля 2005 года без проведения какого-либо расследования, хотя позже заявитель стал обвиняться в менее тяжком преступлении — участии в массовых беспорядках. Тем не менее, когда 14 апреля 2005 года тот же самый суд продлевал срок предварительного заключения заявителя, в своем обосновании он не принял во внимание переквалификацию совершенного преступления (сравни с вышеуказанным постановлением Европейского Суда по делу «Долгова против России», пункт 42).

53. После того, как дело в июне 2005 года было передано в суд, суд первой инстанции использовал ту же формулировку при отказе удовлетворить ходатайства об освобождении и продлил срок

предварительного заключения тридцати девяти подсудимых, несмотря на явную просьбу защиты о том, что ситуация каждого задержанного должна рассматриваться индивидуально. Суд уже установил, что практика принятия постановлений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении нескольких лиц без индивидуальной оценки оснований для содержания под стражей в отношении каждого задержанного является несовместимой, сама по себе, с пунктом 3 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 14 декабря 2006 года по делу «Щеглюк против России» (*Shcheglyuk v. Russia*), жалоба № 7649/02, пункт 45; вышеуказанные постановления Европейского Суда по делам «Корчуганова против России», пункт 76, «Долгова против России», пункт 49, от 2 марта 2006 года). Продлевая срок содержания заявителя под стражей посредством принятия постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении нескольких лиц, национальные власти не рассматривали надлежащим образом его индивидуальные обстоятельства. Ещё более поразительным является тот факт, что постановление о продлении срока содержания под стражей от 20 июня 2005 года содержало лишь фразу, что «все подсудимые должны оставаться под стражей», без указания каких-либо оснований для их дальнейшего содержания под стражей.

54. Кроме того, Суд отмечает, что при принятии постановления о том, должно ли лицо быть освобождено или его необходимо содержать под стражей, Власти обязаны в соответствии с пунктом 3 статьи 5 рассмотреть альтернативные меры обеспечения его явки в суд. Названная статья Конвенции утверждает не только право «на разбирательство в разумный срок или освобождение до суда», но и предусматривает, что «освобождение может быть разрешено при наличии гарантии явки на судебное заседание» (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Яблонский против Польши», пункт 83). В рамках настоящего дела Власти не рассматривали возможность обеспечить явку заявителя в суд путем использования более мягкой меры пресечения.

55. Суд неоднократно устанавливал нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции при рассмотрении дел против России, в которых национальные суды продлевали срок содержания заявителя под стражей, ссылаясь в основном на тяжесть обвинения и используя шаблонные рассуждения без рассмотрения конкретных фактов дела или рассмотрения альтернативных мер пресечения (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Белевицкий против России», пункт 99 и далее, от 1 марта 2007 года; постановление Европейского Суда по делу «Худобин против России» (*Khudobin v. Russia*), жалоба № 59696/00, пункт 106 и далее, ECHR 2006 XII (выдержки); вышеуказанные постановления Европейского Суда по

делам «Мамедова против России», пункт 72 и далее; «Долгова против России», пункт 38 и далее; «Худоёров против России», пункт 172 и далее; «Рохлина против России», пункт 63 и далее; «Панченко против России», пункт 101 и далее; а также постановление Европейского Суда по делу «Смирнова против России» (*Smirnova v. Russia*), жалобы №№ 46133/99 и 48183/99, пункт 65 и далее, ECHR 2003-IX (выдержки)).

56. Кроме того, Суд отмечает, что ранее он уже рассматривал похожие жалобы, поданные другими подсудимыми, где признал нарушение их прав, закрепленных в пункте 3 статьи 5 Конвенции (см. вышеуказанные постановления Европейского Суда по делам «Долгова против России», пункты 38-50, и «Линд против России», пункты 74-86). Рассмотрев все представленные материалы, Суд полагает, что Власти не предоставили каких-либо фактов или аргументов, способных привести к другим выводам по настоящему делу.

57. Таким образом, Европейский суд считает, что, не представив конкретных соответствующих фактов, и, основываясь лишь на тяжести предъявляемых обвинений, Власти продлили срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые, являясь «соответствующими», не могут рассматриваться как «достаточные». В данных обстоятельствах нет необходимости рассматривать, было ли судебное разбирательство проведено с «особой тщательностью».

58. Соответственно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

59. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

60. Заявитель требовал присудить ему 1 000 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

61. Власти утверждали, что права заявителя нарушены не были, и ему не следует присуждать какую-либо компенсацию. В любом случае, Власти посчитали требования заявителя чрезмерными и предположили, что признание факта нарушения будет достаточной справедливой компенсацией.

62. Суд отмечает, что заявитель почти год провел в заключении, в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях, с недостаточным обоснованием для содержания под стражей. При данных обстоятельствах Суд считает, что страдания и переживания заявителя не могут быть компенсированы лишь установлением факта нарушения. Принимая решение на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 6 000 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма.

Б. Расходы и издержки

63. Заявитель не требовал компенсации судебных расходов и издержек. Следовательно, нет необходимости присуждать компенсацию по данному пункту.

В. Проценты за просрочку платежа

64. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *объявил* жалобы, касающиеся условий и чрезмерной длительности предварительного содержания заявителя под стражей, приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
2. *постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции;
3. *постановил*, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
4. *постановил*:
 - (а) что в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу власти государства-ответчика должны выплатить заявителю в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 6 000 (шесть тысяч) евро, в качестве компенсации морального вреда, плюс все налоги, которыми может облагаться данная сумма, в российских рублях по курсу, установленному на день выплаты;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются

простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты плюс три процента.

5. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке; уведомление направлено в письменном виде 9 октября 2012 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Нина Вайич
Председатель